

ному напеву, ибо для роспевщиков XVII в. беспометное знамя было вопросом «вчерашнего дня», а не трудной загадкой, как для нас. Следовательно, мы теперь, пытаясь перевести беспометное знамя, допустили бы несравненно большие неточности, нежели приняв имеющуюся пометную, хотя бы и позднейшую редакцию стихир как пока что наиболее точное их истолкование.

Таким образом, рукопись Пушкинского Дома приобретает первостепенное значение для установления особенностей певческой практики Федора Христианина.

Стихиры Евангельские были распеты тогда также неким «во Твери дьяконом».² Это придает рассматриваемым нами стихирам еще больший интерес, вызывая на путь дальнейших поисков стихир, распетых упомянутым дьяконом, и сравнения их со стихирами Федора Христианина.

Исследование стихир Евангельских как таковых в их «классической» редакции может быть произведено на основании большого числа рукописей, в том числе восходящих еще к XII в. Стихиры тверского дьякона, а в особенности ныне обнаруженные стихиры Федора Христианина, явились бы заключительной главой такого исследования, что, однако, нисколько не умаляет их самостоятельной ценности.

В архивохранилищах Советского Союза имеется еще много собраний певческих рукописей, совершенно не обследованных учеными. Обследование их может дать русской музыкальной медиэвистике новые материалы, существенно обогащающие запас наших знаний, как это делают две рассмотренные рукописи, впервые в истории изучения древнерусского певческого искусства, дающие возможность ознакомиться с личным творчеством роспевщиков XVI века.

-----

² В. Ундольский. Замечания для истории церковного пения в России, стр. 22.